

ივ. ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის
სახელმწიფო უნივერსიტეტი

Iv. Javakhishvili Tbilisi State University

შოთა რუსთაველის სახელობის ქართული
ლიტერატურის ინსტიტუტი

Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature

კომპარატივისტული ლიტერატურის ქართული
ასოციაცია (GCLA)

ლიტერატურათმცოდნეობის
თანამედროვე პრობლემები

Contemporary Issues of Literary Criticism

XI

რომანტიზმი ლიტერატურაში
ეპოქათა და კულტურათა გზაჯვარედინზე
(ექვნივება დიდი ქართველი რომანტიკოსი პოეტის
ნიკოლოზ ბარათაშვილის დაბადებიდან 200 წლისთავს)
საერთაშორისო სიმპოზიუმის მასალები

Romanticism in Literature
On the Cross-road of Epochs and Cultures
(Dedicated to the 200th Birth Anniversary of Prominent
Georgian Romantic Poet Nikoloz Baratashvili)
Proceedings of International Symposium

ნაწილი I
Part I

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University Press

Scientific Committee:

Abzianidze Zaza (Georgia)
Brūzgienė Rūta (Lithuania)
Buachidze Gaston (France)
Burima Majja (Latvia)
Chkhenkeli Mikheil (Georgia)
Filina Maria (Georgia)
Frank Susanne (Germany)
Gelashvili Manana (Georgia)
Geybullayeva Rahilya (Azerbaijan)
Kartozia Alexandre (Georgia)
Kvachantiradze Manana (Georgia)
Lomidze Gaga (Georgia)
Minashvili Lado (Georgia)
Ratiani Irma (Georgia)
Sharvashidze Giorgi (Georgia)
Stroev Alexandre (France)
Sultanov Kazbeg (Russia)
Vasadze Tamaz (Georgia)
Verberger Annette (Germany)
Wallace Jennifer (Great Britain)

Organizing Committee:

Bregadze Konstantine (Georgia)
Elbakidze Maka (Georgia)
Letodiani Gubaz (Georgia)
Ljutskanov Yordan (Bulgaria)
Oboladze Tatia (Georgia)
Sharabidze Tamar (Georgia)

Editor: Prof. **Irma Ratiani** (Georgia)

Editorial Board:

Modebadze Irine (Georgia)
Medea Muskhelishvili (Georgia)
Tkeshelashvili Miranda (Georgia)

Cover Design by

Mirianashvili Revaz

Computer Software

Dugladze Tinatin

UDC(უაკ) 821.353.1.09(475.22)(063)
ლ-681

კრებულში შესულმა სტატიებმა გაიარა ანონიმური რეცენზირება.
კრებულში დაბეჭდილი სტატიების შინაარსსა და სტილზე პასუხისმგებ-
ლები არიან ავტორები.

The articles included in the collection underwent an anonymous review.
The authors are responsible for the contents and the style of the articles printed in the
collection.

Материалы проходят анонимное рецензирование.
Доклады печатаются в авторской редакции.

კრებულში გამოქვეყნებული სტატიები განთავსებული იქნება Google
Scholars-ის ბაზაში.

The articles of this collection will be found on Google Scholars database.

Сборник размещается на платформе Google Scholars.

წიგნი მომზადდა, აიწყო და დაკაბადონდა გამომცემლობა *GCLA Press*-ის
მიერ.

The book was prepared for publishing in *GCLA Press*.

© თსუ შოთა რუსთაველის ქართული ლიტერატურის ინსტიტუტი, 2017

© კომპარატივისტული ლიტერატურის ქართული ასოციაცია, 2017

© TSU Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2017

© Georgian Comparative Literature Association (GCLA), 2017

0179 თბილისი, ი. ჭავჭავაძის გამზირი 14

14 Ilia Tchavtchavadze Avenue, Tbilisi 0179

Tel. 995 (32) 225 14 32

www.press.tsu.edu.ge

ISBN (ორივე ნაწილის)

ISBN (პირველი ნაწილის)

ISSN 1987-5363

Н.В. МИХАЛЕНКО

Россия, Москва

Институт мировой литературы им.А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН)

**Использование библейской символики для
создания образа романтического героя в поэме
В.В. Маяковского «Человек»***

В декабре 1917 г. Маяковский читал поэму «Человек» в «Кафе поэтов». В отзыве об этом выступлении в «Театральной газете» говорилось: «Маяковский – нагл, блестящ и умен... <...> У него четырехугольный рот, из которого вылетают не слова, а гремящие камни альпийского потока... <...> Ему очень хочется быть монументальным, но как истому янки величие представляется ему в виде огромных чисел. Оттого ему так милы тысячелетние, тысячерукие, тысячеглазые персонажи и вещи <...> У него замыслы — космогонические, но он не Дант, а Уолт Уитмен. Ему к лицу бы властвовать над стихиями... Его поэма “Человек”, которую он читает в “Кафе поэтов”, при всей своей кажущейся сумбужности, необыкновенно точна, логична и убедительна» («Театральная газета» 1917: 17 декабря).

Поэму Маяковского восторженно принял А. Белый. 28 января 1918 г. он читал поэму на квартире А. Амари (литературный псевдоним М.О. Цетлина). Из рассказа Д. Бурлюка об этом вечере, записанного Н.Асеевым: «Едва кончил Маяковский чтение [“Человека”], с места встал побледневший от переживаемого Андрей Белый и заявил, что он даже представить себе не мог, что в России в это время могла быть написана “поэма столь могучая по глубине замысла и выполнению, что вещь этой двинута на громадную дистанцию вся мировая литература <...>” («Дальневосточное обозрение» 1919: 29 июня 1919 г.). В «Охранной грамоте» Б.Пастернака (1931), присутствовавшего на вечере у А. Амари, отразилось его впечатление от поэмы Маяковского: «Читали по старшинству, без сколько-нибудь чувствительного успеха. Когда очередь дошла до Маяковского, он <...> принялся читать “Человека” <...> читал вещь необыкновенной глубины и приподнятой вдохновенности. Против него сидел Андрей Белый. Войну он провел в Швейцарии <...> Возможно, что Маяковского он видел и слышал впервые. Он слушал как замороженный, ничем не выдавая своего восторга, но тем громче говорило его лицо. Оно несло навстречу читавшему, удивляясь и благодаря <...> Я наблюдал остальных. Большинство из рамок завидного самоуваженья не выходило.

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФ. Проект № 17-18-01432.

Все чувствовали себя именами, все – поэтами. Один Белый слушал, совершенно потеряв себя <...>» (Пастернак 1931: 116).

В работе Н.В. Устрялова «Религия революции» особо отмечался библейский пафос работ Маяковского. В статье Устрялова поэт показан как пророк: «Он – рупор эпохи, образ творимого хаоса, неотделимый от атмосферы наших дней» (Устрялов 2010: 552); «...и голос нового поэта звучит неслышанным полнозвучием, подобно грохоту камней, низвергаемых титанами» (Устрялов 2010: 557). В творчестве Маяковского Устрялов видел религиозный пафос, обожествленное богоборчество: «Он увлечен в каком-то адском танце бунта, и бунтарские крылья эпохи подбрасывают его с удесытеренной силой – сквозь небо вперед!.. Он не принимает Божьего мира, но возвращает билет свой творцу <...>» (Устрялов 2010: 553). «Великую мощь самодовлеющего человека – вот что противопоставляет он старому небу <...>: “Мы сами – Христос, / Мы сами – Спаситель”» (Устрялов 2010: 553). Земля и небо в творчестве поэта меняются местами, земное бытие, плоть обожествляется: «Я о настоящих земных небесах ору» (Маяковский 1956: 211).

По мысли С.Г. Семеновой, Маяковский творит свой мир, обожествляя человека (обновленная религия грядущего мира – «гуманистическое человекобожество») (Семенова 2001: 149), но использует для этого библейские образы и традиционные приемы.

Поэма Маяковского тесно связана с разработкой темой смысла жизни, цели существования человека в литературе начала XX века. Вероятно, замысел поэмы «Человек» Маяковского, восходит к поэме М.Горького «Человек» (впервые напечатана в «Сборнике товарищества «Знание» за 1903 год», книга первая, СПб, 1904), а также связана с драмой Л.Андреева «Жизнь человека» (1906–1907), со стихотворением В.Я. Брюсова «Хвала Человеку» (1906).

В период написания поэмы «Человек» Маяковский и Горький много общались, возможно, последний рассказывал о своем замысле. М.Ф. Андреева вспоминала: «Очень часто он [Маяковский] бывал у нас в Петербурге, на Кронверкском проспекте, когда мы еще жили на пятом этаже. Это было в 1915—1916 году» (Андреева 1963: 118.) В течение 1916 года Маяковский работал над поэмами «Война и мир» и «Человек».

Представление о теургической миссии Человека, вероятно, связано со строками поэмы Горького: «Идет он, орошая кровью сердца свой трудный, одинокий, гордый путь, и создает из этой жгучей крови – поэзии нетленные цветы; тоскливый крик души своей мятежной он в музыку искусно претворяет, из опыта – науки создает и, каждым шагом украшая жизнь,

как солнце землю щедрыми лучами, – он движется все – выше! и – вперед! звездой путеводной для земли...» (Горький 1950: 362-363), «Настанет день – в груди моей сольются в одно великое и творческое пламя мир чувства моего с моей бессмертной Мыслью, и этим пламенем я выжгу из души все темное, жестокое и злое, и буду я подобен тем богам, что Мысль моя творила и творит!

– Все в Человеке – все для Человека!» (Горький 1950: 367)

Предположительно, образ «Повелителя Всего» Маяковского восходит к замыслам М. Горького поэмы о мещанине.

В начале второй половины октября 1903 года Горький послал К.П. Пятницкому первую редакцию поэмы «Человек» с запиской: «Продолжать я буду – о мещанине, который идет в отдалении – за Человеком и воздвигает сзади его всякую мерзость, которой потом присваивает имя всяческих законов и т. д. Тут уже другой язык, конечно...» (Горький 1950: 488).

В поэме М. Горького «Человек» (1903) прославляется сила его творческой мысли: «Человек.

Я вижу гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них – лучи бесстрашной, мощной Мысли, той Мысли, что постигла чудесную гармонию вселенной, той величавой силы, которая в момент утомления – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает...

Мое оружие – Мысль, а твердая уверенность в свободе Мысли, в ее бессмертии и вечном росте творчества ее – неисчерпаемый источник моей силы!» (Горький 1950: 362).

Гимн Человеку произнесен в стихотворении Брюсова «Хвала Человеку». Поэт писал о покорении Человеком природных стихий: «Змея, жалившего жадно / С неба выступы дубов, / Изловил ты беспощадно, / Неустанный зверолов, // И шипя под хрупким шаром, / И в стекле согнут в дугу, / Он теперь, покорный чарам, / Светит хитрому врагу» (Брюсов 1973: 518). Заканчивается стихотворение гиперболлизированной победой Человека: «Верю, дерзкий! ты поставишь / По Земле ряды ветрил. / Ты своей рукой направишь / Бег планеты меж светил, – // И насельники вселенной, / Те, чей путь ты пересек, / Повторят привет священный: / Будь прославлен, Человек!» (Брюсов 1973: 518).

Драму Л. Андреева «Жизнь человека» и поэму Маяковского сближает тема безысходного одиночества героя, бессмысленности существования, власти хаоса.

Автобиографический миф Маяковского в его поэзии связан с темой сверхчеловечества. В стихотворении «Я и Наполеон» (1915) лирический герой Маяковского уподобляется великому полководцу. Но, исполняя свою

миссию, он погибает, жертвуя собой: «Люди! / Когда канонизируете имена / погибших, / меня известней, – / помните: / еще одного убила война – / поэта с Большой Пресни!» (Маяковский 1955: 74).

В стихотворении «Кофта фата» (1914) герой Маяковского способен творить материю, преобразовать нематериальное в вещное («Я сошью себе черные штаны / из бархата голоса моего. / Желтую кофту из трех аршин заката» (Маяковский 1955: 59). В стихотворении «Эй!» (1916) человек способен пересотворять мир, изменять его: «Человек, / землю саму / зови на вальс! // Возьми и небо заново вышей, / новые звезды придумай и выставь, / чтоб, исступленно царапая крыши, / в небо карабкались души артистов» (Маяковский 1955: 102).

Тема сверхчеловеческой природы лирического героя отразилась в стихотворении «Дешевая распродажа» (1916): «Через столько-то, столько-то лет – словом, не выживу – / с голода сдохну ль, / стану ль под пистолет – / меня, / сегодняшнего рыжего, / профессора / разучат до последних иот, / как, / когда, / где явлен. / Будет / с кафедры лобастый идиот / что-то молоть о богодьяволе» (Маяковский 1955: 115).

Герой-гигант, чьи творения превышают создания признаваемых людьми гениев, воплотился в стихотворении «Себе, любимому, посвящает эти строки автор» (1916): «Если б был я / маленький, / как Великий океан...» (Маяковский 1955: 126), «О, если б я ниц был! / Как миллиардер» (Маяковский 1955: 126), «Если б быть мне косноязычным, / как Дант / или Петрарка!» (Маяковский 1955: 126), «О, если б был я / тихий, / как гром...» (Маяковский 1955: 127), «Я / если всей его мощью / вырву голос огромный – / кометы заломят горящие руки, / бросятся вниз с тоски» (Маяковский 1955: 127), «...если б был я / тусклый, / как солнце!» (Маяковский 1955: 127).

Мотивы богоборчества в поэме Маяковского «Человек» связаны со сходными мотивами в творчестве Мильтона, Байрона, Шелли. Особенно близок герою Маяковского Демон М.Ю. Лермонтова. Сам поэт говорит об этом: «Пойти теперь / о новом – пойте – Демоне / в американском пиджаке / и блеске желтых ботинок» (Маяковский 1955: 258). В 1924 г. Маяковский писал в стихотворении «Тамара и Демон», адресуясь к Лермонтову: «Мы общей лирики лента» (Маяковский 1957: 76). Образ Демона связан с героем-богоборцем Маяковского. Главная черта лермонтовского Демона – «неугасимая жажда познания мира, острый аналитический ум, пытливая мысль. <...> В этом герое как бы сконцентрирована мощь всепознающего разума. Герой Лермонтова испытывает презрение к человечеству» (Ружина 1967: 97). Герой Маяковского – «подвижник, испытывающий трагедию

одинокства» (Ружина 1967: 97) («Шагну – / и снова в месте том. / Рванусь – / и снова зря» (Маяковский 1955: 256), думающий о самоубийстве («а сердце рвется к выстрелу, а горло бредит бритвою» (Маяковский 1955: 255).

По замечания А. Метченко, «в образе лирического героя поэмы «Человек» рельефно выступают прометеевские черты» (Метченко 1961: 83). Подтверждением этому тезису служат строки: «Я... / ...В самом обыкновенном евангелии / тринадцатый апостол. / И когда мой голос / похабно ухает – / от часа к часу, / целые сутки, / может быть, Иисус Христос нюхает / моей души незабудки» (Маяковский 1955: 190); «Городов вавилонские башни, / возгордись, возносим снова, / а бог / города на пашни / рушит, / мешая слово» (Маяковский 1955: 182).

Можно предположить, что в заглавие поэмы входит не только слово «Человек», но и включена фамилия поэта – «Маяковский». На обложке первого издания эти два слова были крестообразно перекрещены, соединены в букве «о». Подобное включение фамилии поэта в текст заглавия в творчестве Маяковского встречается довольно часто. Например: Все сочиненное Владимиром Маяковским, 1909–1919: [Стихотворения. Поэмы. Пьесы] / [С предисл. авт.]. – [Пг.]: ИМО, [май 1919]. v 283, [1] е., нот.; 22 с м. – [1 0 0 0 0 экз.]; Маяковский издевается: Первая книжица сатиры. – 2-е изд. – М.: ВХУТЕМАС, [июль] 1 9 2 2 . – 48 е.; Избранный Маяковский: [Стихотворения. Поэмы]. – Берлин; Москва: Накануне, [февр.] 1923; Маяковский улыбается. Маяковский смеется. Маяковский издевается: [Стихотворения] / [С предисл. авт.]. – М.; Пб.: Круг, [апр.] 1923; 255 страниц Маяковского. Кн. I 3 2: [Поэмы]. – М.; Пг.: Гос. изд-во, [июль] 1923. Маяковская галерея: (Те, кого я никогда не видел). Пуанкарэ, Муссолини, Керзон, Пилсудский, Стинес, Гомперс, Вандервельде. [Стихотворения]. – М.: Красная новь, [дек.] 1923; Солнце в гостях у Маяковского: 33 [Стихотворение]. – New York: New World Press, [окт. 1925]; Школьный Маяковский: [Стихотворения] – М.; Л.: Гос. изд-во, [авг.] 1929.

Такой заголовочный комплекс подчеркивает автобиографичность поэмы, близость автора и лирического героя. Основная особенность Человека в поэме – его умение пересотворять, преображать обыденность. Он обладает необыкновенным зрением, творческой силой: «Булочная. / Булочник. / Булки выпек. / Что булочник? / Мукой измусоленный ноль. / И вдруг / у булок / погибаются грифы скрипок. / Он играет. / Всё в него влюблено» (Маяковский 1955: 249). Основываясь на этом, можно предположить, что свидетельством теургической миссии Человека становится и все творчество Маяковского, способного увидеть поэзию в обыденности. См., например, стихотворение «А вы могли бы?» и др.

В поэме «Человек» в качестве рамки и сюжетобразующей основы взята евангельская история («поэма конструируется как травестия ключевых мистериальных моментов Евангелия») (Ушаков, Семенова 2008: 457), а также предание Апокалипсиса как символа космической катастрофы. Названия главок поэмы «Рождество Маяковского», «Жизнь Маяковского», «Страсти Маяковского», «Вознесение Маяковского», «Возвращение Маяковского» соответствуют новозаветному сюжету. Не случайно на обложке первого издания поэмы фамилия «Маяковский» и заглавие «Человек» изображают крест, центром которого является гласная «о». Заглавия глав «Маяковский в небе», «Возвращение Маяковского», «Маяковский векам», вероятно, связаны с «Откровением Иоанна Богослова». Евангельская образность служит чистой изобразительности, подчеркивая сакральность нового представления о человеке.

Кроме подзаголовочного комплекса в тексте поэмы повторяются некоторые эпизоды евангельской истории. Так, например, молитва Христа в Гефсиманском саду – «сейчас придут, / придут за мной / и узел рассекут земной / секирами зари» (Маяковский 1955: 245), распятие Христа – «мой занавес не опустится на Голгофе» (Маяковский 1955: 246) («И завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу» [Мк. 15: 38], свадьба в Канне Галилейской – «воду в вино превращать чтоб смог» (Маяковский 1955: 248). Маяковский называет Человека «Новым Ноем», как в православной традиции нередко именуется Христос. В поэме используется большое число библейских и евангельских тем, мотивов, символов, аллюзивно упоминаются эпизоды.

Библейская образность в поэме используется не в богоборческом, кощунственном ключе, а помогает за счет пафоса слов и образов создать картину нового пришествия мессии. Маяковский создает ситуацию прямого диалога с евангельским текстом, переосмысляя его, делая акцент на божественной природе не только духа, но и тела. Это связано с поднимаемой в поэме проблемой вещности мира, материальности. Маяковский восхищается телом Человека, гармонией творения: «Две стороны обойдите. / В каждой / дивитесь пятилучию. / Называется “Руки”. / Пара прекрасных рук!» (Маяковский 1955: 247), «лучшую / шею выбрать могу, / обовьюсь вокруг» (Маяковский 1955: 247). Акцент он делает на физическую природу человека. В поэме разрушается дуальная схема плоти и духа. Маяковским воспеваются телесность человека, позволяющую создавать поэзию, творить. На небе героя Маяковского расстраивает именно отсутствие плоти. Вознесшись на небеса, его герой сохранит тоску по телесности, радостям земной жизни: «Раздражало вначале: / нет тебе / ни

угла одного, / ни чаю, / ни к чаю газет» (Маяковский 1955: 260), «Никто не толкается. / Впрочем и нечем» (Маяковский 1955: 261), «Пахучие весны развесили в селах. / Город каждый, должно быть, иллюминирован. / Поет семья краснощеких и веселых» (Маяковский 1955: 263). Даже на небесах он сохраняет эмоциональное восприятие величественности картины Вселенной: «показывая в рампе созвездий / величественную бутафорию миров» (Маяковский 1955: 260). Все восприятие Человека построено на чувственном опыте, он во всей целостности воспринимает окружающий мир. Поэтизируя свое уникальное тело, герой Маяковского сам становится идеальной вещью, физическим объектом. В статье «Новые пути слова...» А. Крученых писал о божественности каждого человека: «Трансцендентное во мне и мое... Нам не нужно посредника-символа, мысли, мы даем свою собственную новую истину, а не служим отражением некоторого солнца (или бревна?)» (Крученых 1967: 70-71).

Герой-странник свободно перемещается во времени и пространстве. Возносится на небо. Преодолевается граница между небесным и земным. Категории земного, дальнего врываются в описание райской жизни.

Вещи у Человека наполнены жизнью, вдохновением, искусством. Отличительной особенностью Человека является способность своей мыслью преображать мир, видеть творчество в быту: «Сапожная. / Сапожник. / Прохвост и нищий. / Надо / на сапоги / какие-то головки. / Взглянул / и в арфы распускаются голенища. / Он в короне. / Он принц. / Веселый и ловкий» (Маяковский 1955: 249). Человек может увидеть душу вещей, вдохнуть в них жизнь. Тема способности увидеть красоту, поэзию в обыденном была актуальна для ранней лирики Маяковского. См. стихотворение «А вы могли бы?» (1913) («А вы / ноктюрн сыграть / могли бы / на флейте водосточных труб?») (Маяковский 1955: 40).

Противоположная сторона восприятия вещного мира – Повелитель Всего («соперник мой / мой неодолимый враг» (Маяковский 1955: 252). Вещи, его окружающие, несут чисто утилитарное значение, предназначены для удовлетворения его бытовых потребностей. Все, что было одухотворено Человеком, низводится до объекта потребления Повелителя Всего: «И Бог / - его проворный повар - / из глин / сочиняет мясо фазаново» (Маяковский 1955: 253), «И вот / для него / легион Галилеев / елозит по звездам в глаза телескопа» (Маяковский 1955: 254). Акт божественного творения, раскрытие устройства Вселенной лишаются вдохновения, становятся прозой жизни. Власть Повелителя Всего безгранична, он многолик: «Их тот же / лысый / невидимый водит / главный танцмейстер земного канкана. / То в виде идеи, / то чорта вроде, / то Богом сияет за облако канув»

(Маяковский 1955: 266). Люди, идущие к нему на зов, воспринимают жизнь как пожирание, бесцельное времяпрепровождение: «Не спорьте / - зачем источник жизни дарен им. / Затем чтоб рвать, / затем чтоб портить / дни листкам календарным» (Маяковский 1955: 266). Даже творения Человека присваиваются Повелителем Всего: «Склонилась руке. / Губы волосикам / шепчут над ними они “Флейточкой” называют один / “Облачком” другой / третий сияньем неведомым / какого-то / только что / мною творимого имени» (Маяковский 1955: 255). Тема противопоставления утилитарного использования вещей и открытия души вещи, материального и духовного часто встречается в стихах Маяковского 1912-1916: («Через час отсюда в чистый переулочек / Вытечет по человеку ваш обрюзгший жир, / а я вам открыл столько стихов шкапулок, / я – бесценных слов мот и транжир. <...> / Все вы на бабочку поэтиного сердца / взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош. / Толпа озверев, будет тереться, / оцетинит ножки стоглавая вошь» («Нате», 1913 - Маяковский 1955: 56). Апофеозом материального, преобладанием вещного в человеке, отражением темы потери человеческого облика, превращения людей в вещи стало стихотворение «Надоело» (1916) («Нет людей. / Понимаете / крик тысячедневных мук? / Душа не хочет немая идти, / а сказать кому?» - Маяковский 1955: 113).

Пессимистическое окончание поэмы «Человек», предательство возлюбленной – характерная тема стихов Маяковского 1915–1916 гг. В стихотворении «Ко всему» (1916) свою судьбу (предательство самых близких) Маяковский уподобляет истории Христа («Армии подвижников, обреченным добровольцам / от человека пощады нет!» - Маяковский 1955: 104). Победа лирического героя над смертью становится актом бессилия: «Убьете, / похороните – / выроюсь». Герой стихотворения взывает к людям будущего, которые смогут понять его («Грядущие люди! / Кто вы? / Вот – я, / весь / боль и ушиб. / Вам завещаю я сад фруктовый / моей великой души» - Маяковский 1955: 105). Стихотворение «Себе, любимому, посвящает эти строки автор» (1916), полное восхваления гиперболической мощи лирического героя, заканчивается строками, в которых выражен пессимистический пафос бесцельности существования героя: «...какими Голиафами я зачат - / такой большой / и такой ненужный» (Маяковский 1955: 127). Необычность лирического героя («заморский страус, / в перьях строф, размеров и рифм» - Маяковский 1955: 130) и его отторжение людьми выражено в стихотворении «России»: «Весь истыканный в дымы и в пальцы, / переваливаю года. / Что ж, бери меня хваткой мёрзкой! / Бритвой ветра перья обрей. / Пусть исчезну, / чужой и заморский, / под неистовства всех декаблей» (Маяковский 1955: 131). Тема катастрофичности жизни,

всемирного разрушения отразилась в стихах «Адище городе», 1913, здесь разрушаются и гибнут даже светила: «...крикнул аэроплан и упал туда, / где у раненого солнца вытекал глаз» (Маяковский 1955: 55), «...а за солнцами улиц где-то ковыляла / никому не нужная, дряблая луна» (Маяковский 1955: 55).

Герой Маяковского, поэт, создатель упоминаемых в тексте поэм «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», обладает высшим, синтетическим взглядом на мир, он видит истинную суть явлений. Поэма может быть воспринята как метафизический опыт, попытка борьбы с Повелителем Всего. Наряду с ярким образом победы любви («И только / боль моя / острее — / стою, / огнем обвит, / на несгорающем костре / немыслимой любви» - Маяковский 1955: 272) финал поэмы пессимистичен. Фактически герой Маяковского переживает катастрофический спад от всемогущества и миротворчества до осознания малости своих сил, невозможности тягаться с демоническим двойником, Повелителем Всего. Происходит жестокий конфликт идеала и действительности, гибель лирического героя:

«Тысячью церквей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!».
(Маяковский 1955: 272)

Библейская символика в поэме «Человек» должна подчеркнуть появление нового героя, нового человека, способного изменять мир. Она поддерживает принципы создания образа романтического героя, возвышая дела нового человека, его безграничные возможности. Такая гиперболизация также способствует созданию конфликта между мощью лирического героя и его бессилием перед Повелителем Всего.

ЛИТЕРАТУРА:

Андреева 1963: Андреева, М. Ф. *Из воспоминаний // Маяковский в воспоминаниях современников* / Примеч. Н.В. Реформатской; Вступ. ст. З.С. Паперного. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1963. 731 с. (Сер. лит. мемуаров). С. 114—118.

Брюсов 1973: Брюсов В.Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Под общ. ред. П.Г. Антокольского и др. Т. I. *Стихотворения. Поэмы. 1892—1909*. Вст. статья П.Г. Антокольского. Подготовка текстов Н.С. Ашукина и др. Примеч. Н.С. Ашукина и др. Оформл. худ. Е.А. Ганнушкина. М., «Худож. лит.», 1973. 672 с.

Горький 1950: Горький А.М. *Собрание сочинений: В 30 тт.* М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949–1955. Т. 5, 1950. С. 362–367.

Дальневосточное обозрение. 1919.

Крученых 1967: Крученых А. Новые пути слова... // Марков В. *Манифесты и программы русских футуристов.* München, 1967. С.70-71.

Маяковский 1955: Маяковский В.В. *Полное собрание сочинений: В 13 т.* / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961. Т. 1. *Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912—1917 годов* / Подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. 1955. 464 с.

Маяковский 1956: Маяковский В.В. *«Мистерия Бурф»* // Маяковский В.В. *Полное собрание сочинений: В 13 т.* / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961. Т. 2. [Стихотворения, поэма и пьесы 1917–1921 годов] / Подгот. текста и примеч. Н. В. Реформатской; Ред. В. Перцов. 1956. С. 167–241.

Маяковский 1957: Маяковский В.В. *Полное собрание сочинений: В 13 т.* М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961. Т. 6. *Стихотворения 1924 года — первой половины 1925 года, поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Летающий пролетарий»* / Подгот. текста и примеч. И.С Эвентов, Ю.Л. Прокушев. 1957. С. 5-148.

Метченко 1961: Метченко А. *Путь к Октябрю* // *Маяковский в школе.* М.: Изд. АПН РСФСР, 1961. С. 83.

Пастернак 1931: Пастернак Б.Л. *Охранная грамота.* Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931.

Ружина 1967: Ружина В.А. *Маяковский против религии.* Кишинев: «Карта Молдавенияскэ», 1967. 280 с.

Семенова 2001: Семенова С.Г. *«Новый разгромим по миру миф...» (Владимир Маяковский)* // Семенова С.Г. *Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия.* М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 144–211.

Театральная газета, 1917.

Устрялов 2010: Устрялов Н.В. *Под знаком революции* // Устрялов Н.В. *Избранные труды* [сост., авт. коммент. В.Э. Багдасарян, М.В. Дворковая, авт. вступ. ст. В.Э. Багдасарян]. М.: РОСПЭН, 2010. С. 197–674.

Ушаков, Семенова 2008: Ушаков А.М., Семенова С.Г. *Владимир Маяковский // Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты поэтов.* В 2 томах. Т. 1. Ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 457.